

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА / GEOPOLITICS AND GEOECONOMICS

Научная статья/ Research article

Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность

Р. Д. Гребнев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: grebnev-rd@rudn.ru

Аннотация. В статье опубликованы результаты исследования, посвященного особенностям геополитического подхода к пониманию субъектности и идентичности. Результаты исследования были получены при использовании общенаучных и специальных методов политических наук и смежных с ними. Методологическую основу исследования составили системный, исторический, эволюционный и глобалистический подходы. Концепция многополярности предъявляет государствам новые требования по позиционированию статуса, роли и места государства в многополярном мире. Конститутивными признаками государства или союза государств в многополярном мире являются геополитическая субъектность и геополитическая идентичность. В статье обосновано, что под геополитической субъектностью понимается способность политического образования осуществлять экспансию любого вида или противостоять экспансии другого политического образования. Структурным элементом сложной многомерной системы геополитической субъектности является геополитическая идентичность. Геополитическая идентичность формируется интегральным образом и представляет собой как целостное единство всех видов социальной идентичности, так и часть интегральной совокупности известных видов социальной идентичности.

Ключевые слова: геополитика, геополитическая субъектность, геополитическая идентичность, национальная идентичность, многополярность.

Для цитирования: Гребнев Р.Д. Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность // Постсоветские исследования. 2023; 1(6):10-19

Geopolitical Subjectivity and Geopolitical Identity

Ruslan D. Grebnev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

E-mail: grebnev-rd@rudn.ru

Abstract. The paper contains the research results of a study aimed to substantiate the geopolitical approach to subjectivity and identity meanings. The results of the study were obtained using general and special research methods of political studies and related ones. The methodological basis of the study was made up of systemic, historical, evolutionary and globalistic approaches. The concept of multipolarity imposes new requirements for positioning the status, role and place of the state in a multipolar world. The constitutive features of a state or a union of states in a multipolar world are geopolitical subjectivity and geopolitical identity. The article substantiates that geopolitical subjectivity is understood as the ability of a political entity to carry out expansion of any kind or to resist the expansion of another political entity. A structural element of a complex multidimensional system of geopolitical subjectivity is geopolitical identity. Geopolitical identity is formed in an integral way and represents both an integral unity of all types of social identity, and a part of an integral set of known types of social identity.

Keywords: geopolitics, geopolitical subjectivity, geopolitical identity, national identity, multipolarity.

For citation: Ruslan D. Grebnev. Geopolitical Subjectivity and Geopolitical Identity // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;1(6): 10-19 (In Russ.).

Введение. Концепция многополярности предъявляет государствам новые требования по позиционированию статуса, роли и места государства в многополярном мире. Конститутивными признаками государства или союза государств в многополярном мире являются геополитическая субъектность и геополитическая идентичность.

Реализация концепции многополярности мира подразумевает создание новых межконтинентальных, континентальных и региональных блоков государств Австралии и Океании, Азии, Африки, Европы и Латинской Америки наряду с существующими союзами, в которых доминируют США и их сателлиты. Поиск роли и места государств в многополярном мире требует концептуализации их самобытности и других основ для совместной внешнеполитической деятельности.

Концепция русского мира находится в переходной стадии своего становления от идеологии византизма к мировоззрению евразийства. Россия является срединным культурно-цивилизационным и геополитическим образованием в Евразии. Сторонники евразийства связывают срединное положение России в Евразии с ее предназначением выступать за соблюдение прав народов на культурную самобытность в Евразии и, следовательно, в многополярном мире.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является концептуализация геополитического подхода к пониманию субъектности и идентичности.

Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи:

- выявить и описать природу геополитической субъектности и геополитической идентичности;
- раскрыть особенности содержания и структуры геополитической субъектности и геополитической идентичности;
- обосновать соотношение геополитической субъектности и геополитической идентичности как взаимосвязанных концептов геополитической топики.

Истинность основ геополитического подхода, в частности базовых тезисов

геополитики о неизбежности экспансии, подвижности границ, а также верности органицистского подхода к пониманию государства, обоснованных Фридрихом Ратцелем в Политической географии, подтверждается исторически. Тем не менее, некоторые элементы теории геополитики остаются познанными лишь на фундаментальном философском уровне. Такие явления остаются понятными только ученым и специалистам с высоким уровнем компетенций в области геополитики. Одним из таких элементов геополитической теории является термин «жизненная энергия». Государство может расширять свои территории, если имеет на это «жизненную энергию», ресурсы и волю. Государство может терять свои территории, не имея «жизненной силы» сопротивляться другому государству, осуществляющему экспансию. Другими словами, от «жизненной энергии» зависит способность государства осуществлять экспансию или противостоять экспансии другого государства. [Ратцель 1898: 52-59]

В общественных науках способность субъекта быть полноправной стороной отношений принято называть субъектностью. Нам представляется обоснованным называть способность политического образования (государства или союза государств) расширять свои территории и сопротивляться другому политическому образованию, осуществляющему экспансию, геополитической субъектностью.

Геополитическая субъектность и «жизненная энергия» политического образования характеризуется множеством показателей, основные из них: численность населения, протяженность границ, численность и вооружение армии, уровень развития гражданской и военной инфраструктуры, уровень экономического развития, политическая стабильность, а также наличие коллективной идентичности. За исключением коллективной идентичности все перечисленные показатели являются управляемыми и достижимыми посредством государственной политики и государственного управления. Коллективная

идентичность в свою очередь является комплексным геополитическим феноменом.

Откуда происходит термин «идентичность»? Средневековая латынь отражает «многообразные связи между латинянами (или их предками) и иноязычными племенами, с которыми они вступали в исторический контакт» [Тронский 2001: 39]. В отличие от классической «церковной» латыни средневековая латынь получила широкое распространение в мире как язык науки, права и литературы. Латынь менялась в удовлетворение языковых потребностей латинян в ходе романизации иноязычных народов. Неспроста в текстах, изложенных на средневековой латыни, появляется слово «*identicus*», означающее «тождественный» или «одинаковый». Римская гегемония распространялась в Европе, Африке и Азии, в результате чего возникало смысловое противопоставление «свой – чужой», которое требовало своего языкового обозначения. Экспансия Рима осуществлялась в разных формах от кровопролитных войн до дипломатии, поскольку некоторые народы различного этногенетического происхождения принципиально не могли принять романизацию своей культуры, а некоторые в большей степени воспринимали римскую культуру. Противопоставление «свой – чужой» не способно в полной мере охарактеризовать народы различного этногенетического происхождения, объединенные в крупное многонациональное политическое образование. Поэтому в соответствии с римским правом население Римской Республики, а позднее Римской Империи, составляли квириды (полноправные граждане Рима), латинские граждане (не имевшие права на военную службу и участие в голосованиях), перегрины (иностранцы неграждане Рима) и дедитии (представители сдавшихся после длительного сопротивления Риму племен, не имевшие практически никаких прав). [Ульянищев 2012: 72] От средневекового латинского слова «*identicus*» происходит один из ключевых терминов геополитической топики – идентичность.

Свойство идентичности или тождественности подразумевает наличие как минимум двух соотносимых друг с другом субъектов. Множество признаков, по которым проводится оценка тождественности, породило такое же множество видов коллективной идентичности: этническая, национальная, классовая, религиозная, культурная, языковая и прочие виды социальной идентичности. Очевидно, что перечисленные признаки тождественности являются разнотипными элементами, которые, однако, корреспондируют между собой, но лишь отчасти. Так, например, культурная идентичность участвует в формировании общей социальной идентичности политического образования лишь в том объеме, в котором ценности народов различного этногенетического происхождения, составляющих политически самоопределяющуюся нацию, принципиально не противостоят друг другу.

При применении лингво-культурологического подхода можно проследить, как языковая идентичность участвует в формировании общей социальной идентичности. Например, слово «мир» имеет два значения в русском языке. Мир как не война и мир как пространство синтезируются в концепции «русского мира», буквально означающего пространство, состояние мира в котором гарантируется Россией. Лингво-культурологические особенности русского языка определяют смысл указанной геополитической концепции. Синтез всех существующих признаков тождественности холистическим образом формирует общую социальную идентичность, позволяющую отличать «своих» от «чужих», вплоть до конструирования образов союзника и врага. Социальную идентичность общегосударственного масштаба принято называть национальной идентичностью.

Изменение каких-либо характеристик коллективной идентичности опосредованно влияет на характеристики национальной идентичности. Например, национальная идентичность современного Ирана приобрела свои очертания после того, как Шах Исмаил, основавший Империю

Сефевидов, распространил шиизм на территории Персидского плато. Появление нового могущественного шиитского государства в регионе стало предпосылкой для объединения шиитских общин в Западной Азии, способных противостоять экспансии суннитских сил Османской Империи на Западе и Узбекского ханства на Востоке. [Reisinezhad 2022: 165-198]

Национальную идентичность как совокупность устойчивых характеристик нации следует отличать от национальной идентичности, характеризующей народы многонациональных государств по признаку национальности. В мононациональных государствах национальная идентичность понимается однозначно. Национальная идентичность как выражение политического самоопределения и самосознания играет важную роль в выработке государственной политики и официальных позиций современных государств по международной политической повестке. Проведенный немецкими учеными анализ выступлений канцлера Германии, министров иностранных дел и лидеров парламентских групп по вопросам войны в Йемене и Южном Судане показал, каким образом немецкая политическая элита фактически замалчивает массовые нарушения международного гуманитарного права. Авторы указанного исследования пришли к выводу, что «неупоминание, тривиализация и фреймирование обстоятельств международных конфликтов является структурной чертой «несоответствия идентичности» [Hering 2022: 608-634].

Национальная идентичность также применяется в международных отношениях как критерий принятия внешнеполитических решений. Очевидно, что чем сложнее этногенетический, религиозный, культурный и т.д. состав политически самоопределяющейся нации, тем выше ее потенциал развития в контексте устойчивых меж- и транс- национальных коммуникаций. И наоборот, чем однороднее состав национальной идентичности, тем выше вероятность формирования таких установок в обществе, которые направлены на сегрегацию и рознь. Как показывает история, в определенных условиях однородный

состав нации может привести к государственной идеологии нацизма и сепаратизма.

Устойчивое развитие государств и международных отношений с их участием приводит к формированию стратегической национальной идентичности. Стратегическая идентичность выходит за рамки политических границ, распространяясь на геополитический ландшафт. [Ngwa 2021: 1757-1779] При формализации миссии и стратегических целей нации, определении измеримых задач, подборе методов достижения результатов и последовательной внешнеполитической деятельности государства происходит трансформация национальной идентичности в стратегическую. Стратегическая национальная идентичность является предпосылкой возникновения геополитической идентичности.

Геополитике свойственно применение метода социального обобщения, в связи с чем предполагается, что геополитическая идентичность формируется кумулятивным образом из всего множества форм национальной идентичности политически самоопределяющихся наций, способных к совместной внешнеполитической деятельности. [Zargar 2022: 127-164] При этом «ядро» геополитической идентичности включает в себя только те характеристики национальной идентичности способных к совместной деятельности политических образований, которые совместимы или не противоречат друг другу. Геополитическая идентичность формируется интегральным способом. Такой вид идентичности является более сложной системой по сравнению с национальной идентичностью и другими видами коллективной идентичности. Таким образом, например, общая шиитская идентичность Азербайджана и Ирана могла бы предопределить близкие отношения между ними, а языковая и национальная идентичности Азербайджана объясняют его сближение с Турцией, но только геополитической идентичностью возможно объяснить активное развитие международного сотрудничества между Азербайджаном и Израилем. [Abbasov 2022: 139-153]

Согласно кибернетической эпистемологии, сложная система приобретает новые характеристики по сравнению с совокупностью характеристик элементов, формирующих ее интегральным образом. [Василенко 2016: 16-17] Геополитическая идентичность является наиболее устойчивой саморазвивающейся системой. Такой вид идентичности свойственен цивилизациям в геополитическом значении этого термина.

В научный оборот понятие двух основных «номосов земли» ввел Карл Шмитт. Номос земли по К. Шмитту – это первоисточник всех социальных норм, социальных и политических концепций. В соответствии с первым «номосом земли» общество занимает никем не занятые территории, осмысливает и наполняет качеством пространство, в котором формируются социальные и политические концепции общества. Всем обществам первого «номоса земли» свойственны традиционные ценностные ориентиры: религиозность, приоритетность духовного над материальным, патриотизм, коллективизм, историческая память, семейственность и т.д.. В контексте российского подхода традиционные ценности понимаются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ 2022]. По второму «номосу земли» общество захватывает уже занятые другим обществом территории. [Шмитт 2008: 19] Со времен Битвы на Курукшетре, согласно эпосу «Махабхарате» произошедшей на территории современной Северной Индии, не зависимо от существующих подходов к вопросу об историчности Битвы или ее литературном и философском значении, этическое обоснование захвата власти зачастую связано с отрицанием традиционных ценностей.

В обществе первого «номоса» Древней Руси от Русской Правды произошло слово «право», а с приходом общества второго «номоса земли» наряду со словом «право», как концептуальным выражением правды в оборот было введено слово «закон», означающее отклонение от «кона» (от старославянского – традиция, обычай). Обществу первого «номоса земли» свойственен социальный концепт «воля», означающий свободу, ограниченную долгом (воинским, религиозным, материнским, профессиональным и т.д.). А общество второго «номоса земли» придерживается концепции «свободы», ограниченной лишь свободой другого человека. Если в традиционном обществе первого «номоса земли» распространено самовоспитание посредством покаяния, внутреннего джихада и пр., то в обществе второго «номоса земли» более распространены практики безусловного принятия всех своих внутренних качеств. Общество второго «номоса земли» на интуитивном уровне воспринимает нетрадиционные ценностные ориентиры. История конфликта традиционных и нетрадиционных систем ценностей имеет давнюю историю. Противостояние Спарты и Афин, Рима и Карфагена, СССР и США имеет ту же природу.

Научный задел Карла Шмитта позволяет утверждать, что первый и второй «номосы земли» определяют два основных типа цивилизаций в геополитическом смысле этого слова. Следовательно, два основных вида геополитической идентичности характеризуются приверженностью традиционным или нетрадиционным ценностям соответственно.

Классиками геополитики была разработана геополитическая концепция цивилизации. Альфред Мэхэн сформулировал теорию морского могущества, в которой были определены цели и методы экспансии, направленной на установление доминантных торговых отношений. Гарантацией успеха такого вида экспансии служит военное превосходство и контроль над торговыми путями. [Мэхэн 2017: 3] Ориентированность экспансии на материальные ценности карфагенского типа

характеризует общество «морского могущества» как общество второго «номоса земли». Хэлфорд Макиндер впоследствии назвал совокупность обществ «морского могущества» Цивилизацией Моря, а ее антагониста – Цивилизацией Суши, источник которой расположен в «Heartland» – «сердечной земле» Евразии, на территории Российской Империи.

Основной закон геополитики о дуальности мира получил свое развитие в «Большой игре» Х. Макиндера. «Большая игра» заключается в борьбе цивилизаций Моря и Суши за влияние над «Rimland», территориями, находящимися между двумя конфликтующими по своей природе цивилизациями, в первую очередь в континентальной Европе, но и на других континентах. Геополитическая интенция Цивилизации Моря направлена на «вдавливание» Цивилизации Суши вглубь материка, а Цивилизация Суши стремится занять все континентальное или материковое пространство, как это выражено в современной политической мысли «от Владивостока до Лиссабона» и от холодных северных морей до теплых южных. Необходимо отметить, что борьба за «Rimland» или «береговую линию», которая условно разделяет цивилизации Суши и Моря, друг от друга породила геополитику Берега, отрицающую геополитическую дуальность мира. Согласно классическому геополитическому подходу Rimland обладает переменчивой или производной геополитической идентичностью.

От геополитической идентичности государств зависит возможность и устойчивость их политических, экономических и военных союзов. В этой связи членство Великобритании в Европейском Союзе изначально имело отрицательную перспективу в силу различия геополитической идентичности англосаксонских народов и народов континентальной Европы. [Moscal 2022: 183-196] Брексит – это процесс выхода Великобритании из Европейского Союза, который детерминирован, в первую очередь, существенными различиями геополитической идентичности британцев и романо-германских народов.

Бельгийские исследования в области геополитической идентичности Европейского Союза доказывают распространение трех дискурсивных артикуляций идентичности объединенной Европы в международных отношениях: а) «Единство в разнообразии», демонстрирующее Европу как модель организации «большого пространства»; б) «совместное творчество», продвижение диалога и взаимности; и в) «обмен сообщениями», изображающий Россию экзистенциальной угрозой. [Valenza 2022] Противопоставление европейской геополитической идентичности российской характеризует современную геополитику Берега как производную геополитики Моря. Исключением из указанной тенденции можно считать внешнюю политику Венгрии. Неспроста в геополитических научных изданиях, публикующих результаты исследований, направленных на распространение атлантизма, происходят попытки обосновать, что национальная идентичность Венгрии имеет «слабую историческую и географическую основу», а географическое положение Венгрии, имеющее геополитическое значение, называют «воображаемым». [Richardson 2022: 779-786] Геополитика Берега не всегда является производной геополитики Моря. Ярким примером отхода Rimland от геополитики Моря было решение Шарля де Голля по выходу Франции из НАТО в 1966 г.

Несформированная геополитическая идентичность государства, а равно и подмена геополитической идентичности буквально означает отсутствие геополитической субъектности и неспособность осуществлять или противостоять экспансии. При отсутствии собственной геополитической идентичности суверенитет государств в той или иной форме нарушается государствами, обладающими геополитической субъектностью. При несформированной геополитической идентичности ее функции в ограниченном объеме выполняет национальная идентичность, при отсутствии последней – другой вид коллективной идентичности, выходящей за пределы политических границ. Как писал Ф. Ратцель, «человечество всегда чувствовало

потребность в объединяющих идеях. Уже у первобытных народов находим мы поэтому религиозную связь впереди политической. Религиозное единство выходит далеко за пределы политических границ... Национальные идеи, политическую силу которых доказывает новейшая история Германии и Италии, близки к религиозным, поскольку они опираются более на темное чувство, чем на ясное сознание».[Ратцель 1898: 98-108] «Ясное сознание» представляется истинной геополитической идентичностью, которая детерминирована совокупностью особенностей окружающей среды, онтологических характеристик общества и его политических концепций.

Политические границы и границы геополитической идентичности могут совпадать лишь в исключительных случаях. Общества, обладающие единой геополитической, национальной или коллективной идентичностью более простого порядка естественным образом стремятся к объединению в единое политическое образование: государство, союз государств или их альянс. Подтверждением данного тезиса является феномен политики ирредентизма, определение которого возникло в Италии во второй половине XIX века. В первую очередь итальянский ирредентизм был направлен на освобождение территорий Австро-Венгрии, на которых проживали этнические итальянцы. Отделение Техаса от Мексики в 1836 г. и его последующая аннексия Соединенными Штатами Америки тоже может рассматриваться в призме современной теории ирредентизма. [Woodwell 2022: 418]

Современные исследования в области политической географии подтверждают обоснованность гипотезы о необходимости перехода от идеи демаркации идеальной границы для достижения стабильного геополитического порядка к парадигме границ, облегчающих социальную дифференциацию между различными группами людей. Устойчивость государственных границ повышается при условии, если границы обладают социальной силой. Такой подход к пониманию границ относится к постмодернистским течениям в

геополитике, и он характеризуется отходом от договорных границ между государствами к более культурному понятию, напрямую связанному с вопросами геополитической идентичности.[Dutta 2022: 252-272] Однако реализацию предложенного подхода осложняет то обстоятельство, что на границах соседних государств, имеющих различную геополитическую идентичность возникает феномен общества переходной или двойной геополитической идентичности.

Переходная или двойная геополитическая идентичность обладает переменчивыми характеристиками. Точно так же, как геополитика Берега характеризуется приоритетностью национального интереса над приверженностью какой-либо цивилизации в геополитическом смысле этого термина, общество двойной идентичности опирается на частные и личные интересы при выборе геополитической идентичности. Показательным примером выбора геополитической идентичности является история возникновения современной Республики Хорватия. Благодаря западно-католическому наследию, на фоне слабеющей идеологии балканизма Хорватия сконструировала свою собственную идентичность и узаконила свои европейские устремления [Melis 2022: 102578], создав предпосылки для дальнейшего распада Югославии, завершившейся по итогам военной агрессии США.

Распространение геополитической идентичности одного государства на общество другого государства может означать и опосредованное распространение политической власти. Например, большинство этнических китайцев, проживающих на севере Таиланда, в настоящее время являются гражданами Таиланда, но их повседневная жизнь характеризуется общественными отношениями, урегулированными социальными нормами Китая, что проявляется в культуре, образе жизни и быта. Северный Таиланд является местом, где мы можем наблюдать переплетение политической власти Китая и Таиланда. Такой порядок открывает перспективы

феномена «глобального Китая». [Hung 2022: 417-439]

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что миграция этнических групп одной геополитической идентичности на территорию государства другой геополитической идентичности, если таковая была допущена органами государственной власти, вовсе не означает абсолютную угрозу целостности и суверенитету государства. Распространение геополитической идентичности одного государства на территорию другого государства требует от политического руководства пересматривать подходы организации государственного управления и международной политики и устанавливать такие основы общественных отношений, которые свойственны федеративным многонациональным государствам. Как показывает история, государственное подавление идентичности такого этноса зачастую имеет обратный эффект, а именно сплачивает этническую группу, обладающую собственной коллективной идентичностью, что приводит к дальнейшей сегрегации, вплоть до вооруженного конфликта. Наиболее релевантным ответом на возможные негативные последствия миграции культурно самобытного народа одной геополитической идентичности на территорию государства другой идентичности является, во-первых, федерализация и конституционно-правовое

установление вопросов исключительного и совместного ведения федеральной власти и субъектов федерации, а во-вторых, разработка и реализация гибкой межнациональной внутренней политики государства.

Выводы. На основании изложенного представляется обоснованным утверждать, что геополитическая идентичность является предметом практического анализа геополитической субъектности. Геополитическая идентичность – это интегральный геополитический концепт, который представляет собой как целостное единство всех видов социальной идентичности, так и часть интегральной совокупности известных видов социальной идентичности. Геополитическая идентичность характеризуется сложной интегральной структурой, которую составляют не противоречащие друг другу элементы национальной идентичности государств, осуществляющих совместную внешнеполитическую деятельность.

Практическое значение геополитической идентичности заключается в том, что указанный геополитический концепт является элементом геополитической субъектности – свойства политического образования, связанного со способностью осуществлять экспансию любого вида или противостоять политическому образованию, осуществляющему экспансию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василенко В.И., Кретов С.И., Федоров М.В. Методологические основы исследования сложных социальных систем. // М.: РУДН, 2016. 55 с.
- Мэхэн А. Влияние морской силы на историю. // Питер, 2017. 14 с.
- Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Землеведение. 1898. Кн. I–II. С. 52–59, 65–67, 70, 76, 78, 79–81, 88–94, 98–108; Кн. III–IV. С. 22, 23, 32–34, 36–42, 44, 52, 53, 56, 65, 66, 69.
- Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Второе дополненное издание. // М.: Индрик, 2001. 577 с.
- Ульянищев В.Г. Основы римского права. Учебное пособие. // М.: РУДН, 2012. 276 с.
- Шмидт К. Номос земли в праве народов: перевод с немецкого К. Лощевского и Ю. Коринца под редакцией Д. Кузницына. // СПб.: Владимир Даль. 2008. 672 с.
- Abbasov N., Souleimanov E.A. Azerbaijan, Israel, and Iran: An Unlikely Triangle Shaping the Northern Middle East. // Middle East Policy, 2022, vol. 29, no. 1, С. 139-153.
- Dutta S. Changing Paradigms of Territory and Boundary Studies in Political Geography. // International Studies, 2022, vol. 59, no. 3, С. 252-272.

- Hering R., Stahl B.* When mass atrocities are silenced: Germany and the cases of Yemen, South Sudan, and Myanmar. // *Journal of International Relations and Development*. 2022, vol. 25, no. 3, C. 608-634.
- Hung P.* Interlacing China and Taiwan: Tea Production, Chinese-language Education and the Territorial Politics of Re-Sinicization in the Northern Borderlands of Thailand. // *China Quarterly*, 2022, vol. 250, C. 417-439.
- Melis C., Wise N., Badurina, J.D.* Geopolitical complexities of governmentality and Balkanism: Deconstructing UNESCO World Intangible Cultural Heritage discourses. // *Political Geography*, 2022, vol. 95, C. 102-578.
- Moskal M., Sime D.* Young Europeans in Brexit Britain: Unsettling identities. // *Global Networks*, 2022, vol. 22, no. 2, C. 183-196.
- Ngwa N.R., Akgün B.* Transformation of National Identity, Geopolitics and Nation Building in Post-colonial African States: The Cases of Cameroon and Senegal. // *Journal of Asian and African Studies*, 2021, vol. 56, no. 8, C. 1757-1779.
- Reisinezhad A., Sadeqi J.* The Battle of Chaldiran: A Geopolitical Narrative. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, C. 165-198.
- Richardson P.B.* Insecurity, incoherence, and imagined geographies in Central Europe. // *Eurasian Geography and Economics*, 2022. C. 779-786.
- Valenza D.* Fanning the flames? An exploration of EU discourse on culture in the Eastern Partnership. // *Journal of Contemporary European Studies*, 2022.
- Woodwell D.* Irredentism American Style? An Examination of Texan Secession and Accession and Its Implications for the Modern World. // *International History Review*, 2022, vol. 44, no. 2, C. 418.
- Zargar M.A., Jan-Ahmadi F.* Historical Explanation of the Geopolitical Factors Affecting the Urban Space of Toledo in the Umayyad Era. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, C. 127-164.

REFERENCES

- Vasilenko V.I., Kretov S.I., Fedorov M.V.* Metodologicheskie osnovy` issledovaniya slozhny`x social`ny`x sistem. // M.: RUDN, 2016. 55 p.
- Mahan A.* Vliyanie morskoy sily` na istoriyu. // Piter, 2017. 14 p.
- Ratcel` F.* Politicheskaya geografiya (v izlozhenii L. Siniczko) // *Zemlevedenie*. 1898. B. I-II. P. 52-59, 65-67, 70, 76, 78, 79-81, 88-94, 98-108; Kn. III-IV. S. 22, 23, 32-34, 36-42, 44, 52, 53, 56, 65, 66, 69.
- Tronskij I.M.* Istoricheskaya grammatika latinskogo yazy`ka. Vtoroe dopolnennoe izdanie. // M.: Indrik, 2001. 577 p.
- Ul`yanishhev V.G.* Osnovy` rimskogo prava. Uchebnoe posobie. // M.: RUDN, 2012. 276 p.
- Shmitt K.* Nomos zemli v prave narodov: perevod s nemeczkogo K. Loshhevskogo i Yu. Korincza pod redakciej D. Kuznitsyna. // SPb.: Vladimir Dal`, 2008. 672 p.
- Abbasov N., Souleimanov E.A.* Azerbaijan, Israel, and Iran: An Unlikely Triangle Shaping the Northern Middle East. // *Middle East Policy*, 2022, vol. 29, no. 1, P. 139-153.
- Dutta S.* Changing Paradigms of Territory and Boundary Studies in Political Geography. // *International Studies*, 2022, vol. 59, no. 3, P. 252-272.
- Hering R., Stahl B.* When mass atrocities are silenced: Germany and the cases of Yemen, South Sudan, and Myanmar. // *Journal of International Relations and Development*. 2022, vol. 25, no. 3, P. 608-634.
- Hung P.* Interlacing China and Taiwan: Tea Production, Chinese-language Education and the Territorial Politics of Re-Sinicization in the Northern Borderlands of Thailand. // *China Quarterly*, 2022, vol. 250, P. 417-439.
- Melis C., Wise N., Badurina, J.D.* Geo-political complexities of governmentality and Balkanism: Deconstructing UNESCO World Intangible Cultural Heritage discourses. // *Political Geography*, 2022, vol. 95, P. 102-578.
- Moskal M., Sime D.* Young Europeans in Brexit Britain: Unsettling identities. // *Global Networks*, 2022, vol. 22, no. 2, P. 183-196.

- Ngwa N.R., Akgün B.* Transformation of National Identity, Geo-politics and Nation Building in Post-colonial African States: The Cases of Cameroon and Senegal. // *Journal of Asian and African Studies*, 2021, vol. 56, no. 8, P. 1757-1779.
- Reisinezhad A., Sadeqi J.* The Battle of Chaldiran: A Geopolitical Narrative. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, P. 165-198.
- Richardson P.B.* Insecurity, incoherence, and imagined geographies in Central Europe. // *Eurasian Geography and Economics*, 2022. P. 779-786
- Valenza D.* Fanning the flames? An exploration of EU discourse on culture in the Eastern Partnership. // *Journal of Contemporary European Studies*, 2022.
- Woodwell D.* Irredentism American Style? An Examination of Texan Secession and Accession and Its Implications for the Modern World. // *International History Review*, 2022, vol. 44, no. 2, P. 418.
- Zargar M.A., Jan-Ahmadi F.* Historical Explanation of the Geopolitical Factors Affecting the Urban Space of Toledo in the Umayyad Era. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, P. 127-164.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гребнев Руслан Дмитриевич – кандидат юридический наук, профессор Академии военных наук Российской Федерации, советник при ректорате РУДН по правовым вопросам. Москва, Россия.
Email: grebnev-rd@rudn.ru

Ruslan D. Grebnev – PhD Law, Professor of the Russian Federation Academy of Military Sciences, RUDN University Legal Counsellor. Moscow, Russia. E-mail: grebnev-rd@rudn.ru